№ 5 (100) 2005

Навигатор игрового мира

100

101

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Цензор вернулся. И теперь это уже не игра, милые мои мальчики и девочки…

Прежде чем читать этот рассказ, посмотрите начало истории — рассказ **ЦЕНЗОР**.

- Иван Тропов
  - ○

Иван Тропов
Цензор II: сейва не будет

4

— Ты окружен! Сдавайся!

Медленно, стараясь не ступать в кровь, я шагнул назад.

— Ты окружен! — ревел мегафон.

Звук без препятствий раскатывался по парку. Его разбили совсем недавно. Деревьев еще нет, лишь газоны и широкие дорожки…

Но здесь не так громко, — газетный ларек прикрыл от грохота.

— Сдавайся! Тебе не уйти! Сдавайся…

Я сделал еще шаг назад.

Спецназовец валялся на асфальте изломанной куклой.

На шее сбоку длинный разрез. Глубокий, но не смертельный. Это был первый удар. Всего лишь начало…

Выдавленные глаза уставились в небо кровавыми дырками. Обе щеки распороты до ушей, нижняя челюсть отвалилась к самой ключице, открыв оба ряда зубов. Вывалившийся язык, темный зев глотки…

Из-под тела расползлась огромная лужа крови, ручейками разбежалась по неровному асфальту. Форменная серая рубашка стала черной и тяжелой от крови — на руках. А на груди и не разобрать, где рубашка, где тело… Там клочья ткани мешались с лоскутьями кожи и мяса. В двух местах белеют ребра… Его не просто кололи, а шинковали. Кусок колотого фарша с костями…

И уж поверьте мне, он еще дышал, когда его рубили. Уж *я*-то знаю.

— Сдавайся! Ты окружен! Это уже не игра! — ревел мегафон по ту сторону ларька. — Это уже не игра! Это реал! Слышишь, ублюдок?! Это уже не игра, мразь! Сдавайся!

Хуже всего, что этот парень с мегафоном не врет. Черт бы его побрал, но это правда не игра…

Я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Звук мегафона продирался в голову, путая мысли. Я зажал уши кулаками.

Что делать… Что же делать-то теперь…

— Это уже не игра!.. Не игра!.. — пробивалось даже сквозь кулаки.

Господи, как же это случилось-то?!

Когда это началось? Где я сделал ошибку?..

1

…Начинался день спокойно, ничто не предвещало проблем. Ну, почти. Было у меня нехорошее предчувствие… Только я старался не замечать его.

День как день. Рутинные дела, мелкие проблемы…

К тем проблемам, что покрупнее, я добрался уже после обеда.

Надо было делать выбор. Я оттягивал решение, но больше тянуть некуда. Все сроки вышли.

Два личных дела были открыты у меня на экране, и два человека сидели перед моим столом.

Человека… Настоящих цензора!

Профессиональные потрошители игр. Выпотрошат и всех персонажей игры, до которых дотянутся, — и кошельки разработчиков и прокатчиков этой игры, если кровожадностей там окажется слишком много.

Ух каких зверей воспитал! Любо-дорого поглядеть. Краса и гордость Агентства по борьбе с пропагандой насилия и жестокости. Лучшие из моих игровых цензоров.

Вот только место директора в открывающемся новосибирском филиале — всего одно.

По левую руку — Андрей. По правую — Стас. И оба чертовски хороши.

Пока сидят на стульях, в своих аккуратных черных костюмчиках, скромненько потупив глаза, сложив ручки на коленях, — ну просто пай-мальчики. Маменькины сынки, которые мухи не обидят. Вид словно бы задумчивый, отстраненный…

Пока не наткнешься на их взгляд. Ох какой огонек горит в глубине их глаз…

Люблю, когда ребята работают с огоньком. Но вот сейчас именно этот-то огонек, если честно, меня и беспокоил.

У Андрея статистика замечательная, и все-таки чуть хуже, — если сравнивать со Стасом. У того — просто потрясающая. Не уверен, что я сам бы так смог. Выжимать столько лембед из таких не кровожадных, в общем-то, игр… Не знаю, не знаю. Просматривал я демки его прохождений. У Стаса просто чудовищное внимание к мелочам. И еще он на лету просчитывает ситуацию на много ходов вперед — словно между ушей у него не человеческий мозг, а вычислительный блок японского центра метеорологии.

Если есть хоть малейший шанс — Стас его заметит. И выжмет до последней капли в свою пользу.

Горит, горит у него огонек в глазах…

Вот только не *слишком* ли ярким стал этот огонек в последнее время?

Я вздохнул и покосился на монитор. На ту половинку, где личное дело Стаса. Пробежал глазами заключение нашего главного психолога. В который уже раз… Неприятное заключение, прямо скажем, — если психолог ничего не напутал. Н-да…

Но как играет! Как игры заваливает!

Андрей и Стас скромно пялились себе в колени, изредка косясь на меня самым краешком глаз.

Да, пора что-то решать.

Я крутил колесико мышки, пытаясь подтолкнуть свою мысль едва слышными щелчками.

— А вы уверены, уважаемые коллеги, что сможете все бросить здесь, и на несколько лет перебраться в Новосибирск? — попытал я последний шанс.

Последнюю возможность избежать решения по существу…

— Совершенно, — кивнул Андрей.

— Никаких проблем, — сказал Стас.

Облегчать мне задачу никто не собирался…

Я вздохнул.

А может быть, дет-матч между ними устроить? Или заставить пройти одну и ту же игрушку — и сравнить, кто наберет больше лембед?

Да только и так ясно, кто. Стас. Девять против одного.

На столе ожил интерком:

— Константин Сергеевич, — защебетала Лидочка из приемной. — Пришла Ксюша. Из пятого отдела…

А-а… Девочка Само Зло.

Она же Гроза Хромых Собачек. Все, хватит ей на проверке детских игрушек сидеть. Пора серьезными делами заняться. Но перед этим предстоит пройти урок. Жестокий — но необходимый.

— Скажи, что пока занят, — сказал я и перебросил интерком на другой канал. На наш психологический отдел. — Семен? Готовы? Тогда начинайте…

Я отключил интерком и посмотрел на моих ребяток.

— Вот что, мои милые. Идите-ка работать.

Ребятки не выдержали. Две пары глаз уставились на меня — прямо и требовательно, в упор. Что решил-то?

— Идите, идите… — сказал я, покручивая колесико мышки.

Вывел на экран вид с камеры, установленной в приемной.

Включил звук. Вот она, наша Девочка Само Зло. В кожаном жакете и в кепочке, откровенно смахивающей на нацистскую фуражку. Любит эпатировать.

Но сейчас она сама — хромая собачка в паутине чужой игры. Довольно жесткой игры, надо признать. Можно даже сказать, жестокой. Но это необходимо.

Сделаем-ка ее лицо покрупнее, вот так…

А ребятки перед моим столом все глядели на меня. Наконец Андрей вздохнул, но поднялся и вышел.

Стас остался сидеть. Глядел на меня, почти не скрывая ухмылочки.

Но я старательно не замечал его, сосредоточившись на картинке из приемной.

Девочка Само Зло оглянулась, — где-то сбоку скрипнула дверь. Тихое «Здрасьте… А шеф…» голосом Семена, «Сейчас занят, подождите…» голосом Лидочки. По экрану прошла тень, затем скрип кожи. Кто-то присел на диванчик рядом с нашей милой Грозой Хромых Собачек.

Она смотрит в сторону, и на ее лице удивление — все верно, этого парня она видит в первый раз. Так и должно быть. С нашим вторым психологом она и должна столкнуться впервые только сейчас.

— Привет. Какие красавицы здесь работают, оказывается… — сразу берез быка за рога Семен. — Не то что у нас, в питерском филиале…

— Привет… — Девочка Само Зло, кажется, оправилась от удивления. — Так ты из Питера?

— Ага. Михаил…

Я вполуха слушал, как Семен обрабатывает ее. Больше следил за ее лицом.

За ее недоверием — под которым медленно, но уверенно появляется тревога. Ухом отмечал лишь ключевые фразы: у американцев случилось… один цензор… проверял фэновский самопал… специально сделана под обстановку реального клуба… цензор запутался… думал, что еще в игре, а сам уже…

А Стас все сидел, не уходил. И улыбка все шире.

Картинку на экране не видит, но ему достаточно и обрывков разговора, чтобы все понять.

Он сам когда-то через это проходил. Был тогда еще совсем сопливым щенком, — от каждого щелчка мышки вздрагивал! А теперь-то заматерел. И самым лучшим цензором стал, и вообще…

— Константин Сергеич, — сказал Стас. — Иногда мне кажется, что вам это нравится…

Та-ак… Это уже что-то новенькое.

Я нахмурился и поднял на него глаза — что еще за разговорчики в кабинете шефа?!

Но его, конечно, не провести. Знает, стервец, что в любимчиках ходит.

— Константин Сергеич, так что же вы решили с Новосибирском? Я ведь знаю, что у меня лучшие показатели во всем Агентстве…

Да. Лучшие. Да плюс к этому — ни капельки соплежуйства перед начальством. Люблю таких, если честно.

— Лучшие-то лучшие… — пробормотал я.

Но…

— Или это наш господин Фрейд местного разлива что-то про меня насочинял? Мол, психологической устойчивости у меня маловато, могу сорваться? Он?

Вот и про нашего собственного господина Фрейда Стас угадал.

Правда, не совсем. Вывод в заключении несколько другой. Устойчивости не маловато — скорее уж, перебор с ней, в какой-то смысле…

Я вздохнул.

— Ладно, Стас… Идите, разберемся. Мне еще нашу Девочку Само Зло до окончательно мандража лакировать… Идите, идите! Рабочий день еще не кончился.

Стас поднялся, но медлил.

— Значит, все-таки решили устроить нам с Андрюхой еще одну спецпроверку? Спец-спец? По сравнению с которой это, — он дернул головой на монитор передо мной, где Семен обрабатывал Ксюшу, — так, детский сад в песочнице?

Я лишь вздохнул.

Если бы! Если бы у меня на все случаи жизни были заготовлены спец-спецпроверки! Да только новые филиалы открываются у нас не так часто, чтобы специальную игрушку под это дело делать.

А Стас улыбнулся, заглядывая мне в глаза.

И было что-то в этой улыбочке…

Будто понял он что-то такое, что я не решился сказать открыто, но подразумевал. Лишь намекнул ему без слов, как любимчику…

— Идите, *Стасик*, идите, — почти вкрадчиво попросил я.

Стас тут же перестал ухмыляться — знают мои ребятки, когда шутки кончаются. Кивнул и быстро вышел.

А я вызвал Девочку Само зло и следующие десять минут занимался тем, что доводил ее до мелко дрожащих пальцев и нервного заикания.

2

За окном уже давно стемнело. Черное сентябрьское небо, звезды яркие-яркие…

Черт знает какая по счету турка с кофе шипела на плите, закипая, а я все сидел за кухонным столиком, примостив на углу планшетку, и просматривал последние демки Стаса.

А ведь он все время на фул-контакте играет… В принципе, так играть легче — тело словно свое родное. Все движения, все ощущения — как в реале.

Но есть и минус — все болевые ощущения тоже как в реале. А цензору в игре частенько приходится и битым стеклом руки резать, и кулаком по печени получать, и даже пули животом ловить.

Минус серьезнее: в критический момент не схитришь. Формально, правила подсчета лембед допускают такой вариант: изувечить и то тело, в котором играешь. Несколько лембед перепадет. Низкий класс, конечно, — но формально можно. Особенно если до пятисот лембед, которые делают игру запрещенной, остается совсем немножко.

Но главное, почему цензоры редко играют на фул-контакте, все же не это, а… предубеждение? Примета? Поверье? Причуда? Называйте, как хотите. Но обычно после жесткой проверки, которую проходят все новички, — той, что сегодня вечером выпала на долю нашей Девочки Само Зло, завтра от Семена узнаю, как она ее прошла, — после этого ребята долго не решаются ставить фул-контакт.

Умом понимают, что в реальных условиях невозможно вывалиться в реал, не заметив того, — но в подсознании сидит страх. Что если все как настоящее, даже боль, — то и не проверишь сразу никак, в игре ты или в реале…

Но не Стас. Весь последний год — всегда фул-контакт стоит. Вся боль как в реальности. Другой бы мандражировал от постоянного страха боли, но и это не про Стаса. Этот не нервничает ни капельки. Правда, и под пули и кулаки особенно не подставляется. Играет классно…

И до того, чтобы переваливать через пятьсот лембед ценой собственной аватары — до такого не опускается.

Может быть, потому, что играет на фул-контакте…

Я представил, что обычно вытворяет Стас с игровыми персонажами — и представил, как то же самое проделать с самим собой. Чувствуя боль на всю катушку. Без смягчения. В фул-контакте…

И поежился. Фирменный стиль Стаса — это та еще штучка…

Кофе зашелестел, взбираясь по узкому горлышку турки, я потянулся, чтобы снять ее, — и тут запиликал мобильный. Танец с саблями.

Хотя эта мелодия у меня стоит для звонков по работе… Что еще такое? Мельком покосился на угол экрана — 5:36. Что могло срочно понадобиться в такое время? Разве что…

Мелодия пошла быстрее и громче, и я выбил телефон из нагрудного кармана рубашки.

3

— Да?

— Константин Сергеич… — просипела трубка задыхающимся голосом. Я едва узнал голос Семена. — Тут…

Он замолчал. Я слышал, как он судорожно глотал воздух, но все никак не мог отдышаться.

А я молчал. Просто молчал.

На миг на меня накатило ощущение, что я уже знаю, что случилось… Этого не может быть, но…

— В реал вывалился… — наконец просипела трубка.

— Кто?! Ксюша?!

Но как же она могла-то, наша Девочка Само Зло?! Там же все сделано так, чтобы наоборот… Чтобы сделать вид, будто вывалилась — тогда как на самом деле все еще остается в игре…

— Само Зло?!! — кричал я в замолчавшую трубку.

— Да не Ксюша! — наконец ожил Семен. — Стас!

— Стас?.. — пробормотал я. Ощущение было такое, будто на меня налетела стена, выбив из головы все мысли. — Стас?..

Он-то тут при чем?..

Он же вообще ни на какую проверку не ходил сегодня… У него же было обычное задание по проверке клубов на нелицензированные игры. Обычная проверка. Рутинная. Почти формальная. Правда, кажется, в новом районе. В одном из только открывшихся клубов, которые мы еще ни разу не проверяли…

— …новый микрорайон, — быстро бормотал в трубке Семен, проглатывая окончания. — Вира-клуб только открылся… Под открытие они решили порезвиться, завлекалочку устроить… Локализовали какую-то игрушку под обстановку клуба… Начало игры — точь-в-точь, как сам клуб и вокруг него… Даже ввинтили обсчет картинки с камер наблюдения, чтобы машины на стоянке в игре те же самые, что и в реале… И погода точь-в-точь…

Он еще что-то говорил, а я вдруг сообразил, что так и стою — телефон в одной руке, турка с кофе в другой. Снизу краснеет диск

плиты.

А я стоял, и мне казалось, что все это сон. Вязкий кошмар, и потому все тело ватное, словно чужое. Потому что…

Потому что такого *не может быть*.

Это *мы* в проверочных играх такое делаем. Чтобы наших новичков на крепость психики проверять. В единственной игре, которая идет в том псевдо-клубе, в помещениях бывшего бомбоубежища, — который на самом деле никакой не клуб, а исследовательский институт при нашем Агентстве.

Но чтобы такое в реале произошло…

— … он как-то вывалился в реал, — все тарабанил в трубке Семен, ужасно спеша и глотая слова, я едва мог разобрать, что он говорил. — И…

Он вдруг замолчал.

— Что?.. Не тяни! Что?!

— Есть погибшие…

Только этого еще не хватало…

— Сколько?

— Две…

Две…

— Женщины?.. — пробормотал я, холодея.

Матерые тетки не так-то часто ходят в вира-клубы. Куда чаще подростки. Неужели — молодых девчонок?..

Семен издал какой-то невнятный звук, словно хотел сглотнуть, но никак не мог.

— Две… Двенадцать, — наконец выговорил он. — И он забаррикадировался! Его никак не могут взять.

— Сколько?..

— Двенадцать! И может быть, еще не всех нашли! И сейчас он забаррикадировался!

— Подожди! Что значит, забаррикадировался?! Он что, все еще…

Я замолчал, не в силах договорить. Просто язык не поворачивался.

На миг накатило дикое желание, чтобы это все оказалось сном. Переел за ужином мяса, кофе перепил, потом заснул… На набитый желудок иногда бывают такие сны — мутные, душные, тяжелые…

Но только если это и был сон, проснуться мне было не суждено.

— Да, — договорил за меня Семен то, что сам я не решился сказать. — Он все еще уверен, что это игра. И все еще пытается завалить ее. Все еще старается добраться до этих чертовых пятисот лембед…

…

— Это уже не игра!.. Не игра!.. — пробивалось даже сквозь кулаки.

Звук мегафона продирался в голову, путая мысли.

Что делать-то… Что же делать-то теперь…

Господи, как же это случилось-то?! Когда я сделал ошибку?

Тогда днем, когда говорил с ними обоими? Когда Стас выходил от меня? Этот его взгляд, эта его улыбочка, будто он понял какой-то намек, который я не решился высказать вслух… Тогда?

Черт возьми, надо было остановить его тогда! Бросить все дела, забыть про Девочку Само Зло — и сразу же поговорить с ним. Прямо. Без уверток. Начистоту…

— Сдавайся! Ты окружен! Это уже не игра! — ревел мегафон по ту сторону ларька. — Это уже не игра! Это реал! Слышишь, ублюдок?! Это уже не игра, мразь! Сдавайся!

Сколько раз я слышал вот такие вот мегафонные вопли… Десятки раз. Стандартный оборот дела на нашей проверке цензоров. Я слышал их столько раз, что, казалось, уже привык…

Только на этот раз это в самом деле не игра.

Я заставил себя открыть глаза, шагнул обратно к спецназовцу и еще раз взглянул на тело: нашивки, знаки отличия?

На груди если что-то и было, то теперь превратилось в лохмотья, залитые кровью. А вот на рукаве…

Я пригнулся, вглядываясь — и меня тут же схватили за локоть.

— Пойдемте, пойдемте, — забормотал мой сопровождающий, оттягивая меня прочь. Голос у него был такой, будто он вот-вот свалится в обморок. — Как вы можете, господи…

А я нервно сглотнул. Потому что рассмотрел нашивку на рукаве.

— Это был снайпер… — сказал я.

— Да, да, снайпер! Кто же еще мог стоять в первом круге оцепления! Пойдемте… Пойдемте, черт бы вас побрал! Сейчас начнется штурм, вас может задеть шальной пулей… До него рукой подать, — он махнул рукой куда-то за ларек, в темноту парка. — Часовня новая в углу парка, совсем близко…

Я словно проснулся. Крутанулся к нему:

— Штурм?!

— Да, да, штурм, а о чем я вам говорю…

Черт возьми! Только штурма и не хватало!

— Где штаб?!

Человек нахмурился, глядя на меня. То упираюсь, то сам рвусь куда-то…

Он еще ничего не понимает!

А хуже всего то, что там, в штабе — тоже могут не понимать!

— Где оперативный штаб?!! — рявкнул я.

— Там… — махнул он рукой. В темноте белело пятно кафетерия.

Я бросился туда, и за спиной тут же заголосило:

— Да стойте! Да куда же вы, в самом деле! Пригнитесь!

6

В кафе был еще темнее, чем на улице, — ни одна лампа не горит, а все окна заклеены фольгой. Только голубоватые отблески от мониторов.

Все столики составлены в середину, в один длинный ряд. На нем выстроились десятка два работающих ноутбуков.

Свет от мониторов озарял людей — человек десять, если не больше. И еще кто-то по углам, неразличимые в темноте…

Все они суетились, шептались, иногда подходили к ноутбукам, что-то делали… А в центре этой суматохи, как скала, возвышался полковник. Здоровенный плотный дядька с бычьей шеей, коротко стриженный, уже начинающий седеть.

Широко расставив ноги, заложив руки за спину. На скуле гарнитура.

— Камеры? Инфракрасные прожекторы? — командовал он.

— Готово… — раздалось из динамиков на столе.

На нескольких мониторах вспыхнули картинки: вид парка, с разных сторон. Ночь, но на мониторах все видно, как на ладони. Будто днем. Все-все видно, каждую травинку, каждый кустик. Только цвета странные, и небо — черное-черное. Вид с камер, работающих в инфракрасном режиме?

Все камеры нацелены на часовенку. Свежий деревянный сруб с крылечком, на самом верху купол из гнутых листов стали, словно бутон из стальных лепестков. Инфракрасные прожекторы отражались в них, как солнце в позолоте.

Стены часовни потемнее, а окна совсем черные…

— Он точно там? — спросил полковник.

— Да, — отозвались динамики. — В тепловизор был виден его след на земле. Он дошел до часовни, и из нее не выходил. Правда, след был странный…

— Что значит — странный? Выражайтесь яснее!

— Будто он волок что-то теплое…

Меня взяли за руку, я оглянулся.

Из полумрака на меня глядел Семен. Уже здесь. А вон и Андрей… Тоже примчался помогать, когда узнал, что случилось.

— Константин Сергеич, — зашептал Андрей. — Ну хоть вы ему скажите, что штурмовать нельзя…

Я уже и сам увидел то, чего опасался больше всего.

На мониторах. Сразу не рассмотрел, а теперь, когда глаза привыкли к странным цветам…

В траве, метрах в тридцати от стены сруба, вжимался в землю человек. А вон еще один… И еще…

Трое. Ползут к часовне.

К часовне, в которой засел Стас…

— Второй, третий! — рявкнул полковник в гарнитуру. — Быстрее на дистанцию! Первый уже ждет.

— Стойте! — позвал я. — Прекратите штурм.

Люди, кружившие вокруг полковника как мухи, шептавшиеся тихонько-тихонько и старавшиеся лишний раз не зашуршать одеждой, — замерли. Десяток пар глаз уставились на меня.

Полковник очень медленно обернулся.

— Эт-то еще кто такой?.. — процедил он, оттопырив губу. — Уберите, — распорядился он, словно речь шла о каком-то таракане, которого раздавили, а теперь неплохо бы и останки вытереть салфеткой.

И в тот же миг оказалось, что кто-то уже за моей спиной. Большой, сильный и умеющий выкручивать руки. Я чуть не взвыл, когда он до предела вывернул запястья, а потом локоть и плечо.

А полковник, как ни в чем ни бывало, развернулся обратно к мониторам, поправил гарнитуру у себя на скуле:

— Узел!

— Первый и третий вышли на позицию, — откликнулись динамики на столе. — Второй выдвигается.

— Медленно выдвигается! — рявкнул полковник. — Сколько ему еще нужно?!

Я дернулся, но руку мне держали крепко.

— Полковник! — крикнул я. — Немедленно остановите штурм! Отмените!

Полковник досадливо дернул плечом, но все-таки обернулся ко мне. Окинул взглядом с головы до ног и усмехнулся:

— Отменить? Это еще почему?

— У вас ничего не выйдет, полковник. Он перебьет ваших людей, как цыплят.

— Да ну?

— Да. Вы не понимаете, с кем имеете дело. Это не обычный парень, засевший в доме с оружием, это…

— Я знаю, что не обычный! — рявкнул полковник, прищурившись. — Обычный не выпотрошил бы два десятка человек по пути в эту часовенку! Мясник недорезанный…

— Он не мясник, — холодно сказал я. — Он цензор.

— Да хоть сам господь бог! Мои ребята возьмут его и теперь уж самого настругают мелкой окрошкой, ур-рода…

— Подождите, полковник, — я постарался говорить мягко. Спокойно. — Остановитесь. Не надо никакого штурма, дайте мне просто переговорить с ним…

— Некогда разговаривать! Светает уже. Скоро совсем светло будет. А для штурма нужна — темнота!

— Полковник, даже в темноте у вас ничего не получится. Неужели вы не видите, что он что-то задумал? Ну хотя бы вспомните, как легко он снял вашего человека из оцепления!

Я мотнул головой назад. Туда, где за стенами кафе ларек, а под ним снайпер, — лишившийся и винтовки, и жизни…

Полковник поджал губы.

— Это был *не мой* человек. Первичное оцепление производили не мы, а… Р-раздолбаи! — налился он кровью. — Дали ему выйти из торгового центра, подобраться к их снайперу и зарезать его! Распотрошить, как свинью! Взял его же винтовку — и совершенно спокойно ушел дальше в парк! В эту чертову часовню…

— Тем более, полковник. Разве стал бы он останавливаться в этой часовенке, когда мог совершенно спокойно уйти за ваше оцепление… если бы у него не был припасен какой-то козырь?

— Не мог! Дальше второе кольцо.

— Это ничего не меняет. Он прошел бы и через второе кольцо оцепления, и через третье, если бы оно было, и вы прекрасно это знаете! Он явно что-то задумал, и…

— Нечего тут задумывать! Некуда ему деваться, с-суке! Может, он бы и просочился в канализацию, да только нет там под часовней ничего! И местность просматривается вокруг на сотню метров — разве сами не видите? Он в капкане. В надежном капкане.

— А может быть, именно поэтому он и засел в этой часовне?

— Не понял?.. — нахмурился полковник.

— Под землей к нему не подобраться. И вокруг все на сто метров видно и простреливается… Еще раз повторяю, полковник. Перестаньте думать о нем как о маньяке или о террористе, которого окружили и загнали в угол. Он — *цензор*. Дайте мне переговорить с ним, и…

— А вы, собственно, кто такой?

— Это из агентства… — подсказал ему кто-то. — Директор…

— Я его шеф. Я его знаю. И знаю, на что он способен. И поверьте мне, он…

— А, тоже цензор? — поморщился полковник. Произнес это «цензор» так, словно плюнул им в меня. — Ну так сидите тихо и сливайтесь с обоями… цензор… Все что вы могли, вы уже сделали! Дир-ректор… Вон они, результаты вашей компетентности! — он ткнул пальцем на мониторы с часовней. — Так что теперь забейтесь в угол и не мешайте мне заниматься тем, что *я* должен сделать.

Динамики на столе зашуршали помехами, раздался голос:

— Второй вышел на позицию. Все готовы. Жду приказа.

— Принято, — сказал полковник.

— Вы даже не подберетесь к нему! — сказал я. — Вы просто потеряете своих людей! У него снайперка!

— Да хоть две! Мои соколики не дадут ему высунуться из окон. Мигом мозги вышибут, если попробует. Ничего не сделает он своей снайперкой.

— Вы не понимаете! Он перехитрит вас, и вы только…

— Да заткните же его! — рявкнул полковник.

— Да как вы не понимаете! Ему только и нужно, чтобы…

Чья-то тяжелая рука зажала мне рот. Умело. Придерживая снизу челюсть, чтобы я вообще не мог открыть рта. И за выкрученную руку дернули назад. Я чуть не взвыл от боли.

А полковник опять пригнул дужку гарнитуры к губам:

— Соколики, вы видите этого урода?

— Нет, — отозвались колонки сквозь треск помех. Другой голос. Не тот, что отзывался на «Узел». — Он где-то внутри часовни.

— Хорошо… Держите окна, ребята! Если высунется — садите ему в лоб свинца, и не жадничайте! Кто вставит ему горяченького, того к ордену буду представлять. Так что глядите во все глаза, соколики!

Он отвел дужку гарнитуры и посерьезнел. Выдохнул тихо в сторону:

— Ну, с богом… — И уже громче, в дужку: — Узел! Скажи своим, что понеслась…

Подождал, кусая губы, пока пройдет команда на готовность. И скомандовал:

— Пошли!

7

Картинки на мониторах пришли в движение.

Все трое штурмующих разом приподнялись. Чуть пригибаясь, по-кошачьи плавно скользнули к избушке с разных сторон, целя в дверь и боковые окна, чтобы ворваться одновременно с разных сторон…

Один из экранов полыхнул белой вспышкой. Словно от купола часовни, блестящего в свете инфракрасных прожекторов, отразился еще один инфракрасный луч. Всего на миг — но ослепительно яркий.

Через миг окна кафе вздрогнули от грохота. А на экранах один из штурмовиков дернулся — и отлетел на шаг назад, будто в его склоненную голову, прямо в макушку, врезали огромным невидимым кулаком. На миг замер, — теперь стало видно, что от его головы мало что осталось, — и рухнул на спину.

— Какого… — начал полковник, но договорить не успел.

Полыхнул вспышкой соседний монитор, дававший вид на часовню с другого бока. Тут же тугой удар по стеклам кафе, и второй штурмовик опрокинулся на спину.

— Он стреляет! — завопил кто-то за спиной полковника. — Назад, всем назад, он стреляет! Снайперы! Где снайперы!

— Но все окна черные! — орали с другой стороны. — Его нигде нет…

— Откуда он стреляет?! — взревел полковник, наконец-то пришедший в себя.

Купол часовни полыхнул светом уже на третьем мониторе. С того бока часовни, где подходил третий штурмовик.

Он почти добежал, до окна ему осталось каких-то несколько шагов… Удар в грудь отбросил его назад, словно тряпичную куклу. На этот раз стало видно, как брызнула кровь — из спины. Тяжелая пуля пробила его навылет, несмотря на бронежилет.

— Крыша! Купол! — закричал кто-то.

— Он внутри купола!

Купол, сделанный из восьми стальных лепестков, словно бутон цветка, блестел в лучах инфракрасных прожекторов.

— Бейте по куполу! — рявкнул полковник в дужку гарнитуры. — По куполу бейте!

И снаружи застучали выстрелы снайперских винтовок — много, часто, с нескольких сторон.

На блестящих листах появились черные отметины от пуль. Здесь, там, еще, еще… Выстрели не прекращались, и листы стали начали рваться, загибаться изорванными краями. Изнутри полетели какие-то щепки, деревянные распорки… Один лист совсем отлетел и спикировал вниз. Второй разорвало на части…

Через несколько секунд купол превратился в деревянный скелет, на котором местами висели обрывки стальных листов —

рваные, помятые, изодранные выстрелами.

То, что раньше они скрывали, стало видно — но никого там не было. По крайней мере, теперь…

А выстрелы все били и били туда, разнося остатки распорок.

— Прекратите огонь! Его там уже нет! Прекратите огонь! — надрывался полковник.

Выстрелы неохотно, но пошли на убыль.

Наконец за окнами стихло.

Здесь же, в кафе, стояла гробовая тишина.

Все, кто кричал за спиной полковника — теперь молчали, как убитые. Вжав головы в плечи, опустив глаза вниз, потихоньку пятясь от полковника, играющего желваками.

— Узел… Узел! Что с номерами?

Динамики на столе безмолвствовали.

— Узел! — рявкнул полковник.

— Номера молчат… — тихо отозвались динамики.

— А биодатчики? На них же стоят биодатчики, вашу мать!

— Пульс — ноль, — холодно отозвались динамики.

Полковник сглотнул. Теперь он не только желваками играл, но и его кулаки туго сжались.

— Я этого урода в землю закопаю… — пробормотал он. — Я его…

Руки, раньше державшие меня, теперь куда-то пропали. Я шагнул вперед:

— Я вам говорил, что вам его не взять.

Полковник крутанулся на каблуках:

— Да?!! Здесь мои лучшие спецы!

— А он — мой лучший цензор. Перебьет ваших спецов, как канареек.

Полковник только фыркнул. Сказал в дужку гарнитуры:

— Снайперам: держать окна под прицелом. Высунется — снимать. Узел: выводите на позицию огнеметчика!

Полковник сбил дужку гарнитуры к шее, чтобы не мешала, и с вызовом поглядел на меня:

— Ну?! Что теперь скажете?!

— Вам все равно его не взять, — сказал я. — Он знает все ваши ходы наперед. Понимаете? Если он засел здесь, значит, он что-то придумал. Он все предусмотрел, и…

— «Шмель» на позиции, — отозвались динамики на столе. — Но после выстрела сруб сгорит, скорее всего…

— Плевать! — рявкнул полковник. — По моей команде открывайте ого…

Кто-то вынырнул из темноты и уважительно, но решительно взял его за локоть.

— Товарищ полковник, звонок…

— Что?.. Какой еще, к дьяволу, звонок?! Вы не видите, что я занят?!

— Звонят оттуда, — человек кивнул на окна кафе.

— Оттуда?..

Полковник повернул голову к окнам. Туда, где за фольгой и стеклами — парк и часовня…

— Так точно. Мы глушим попытку дозвона, но он упрямо пытается выйти на соту…

— Кому он звонит?

— Такого номера не существует.

— Хм?..

Человек не ответил, терпеливо ждал.

— Перехватите его звонок, — скомандовал полковник. — И выведите.

Динамики на столе пискнули и стало слышно, как тихо воет ветер. Тихое поскрипывание деревянных досок, и еще какой-то невнятный звук, похожий…

— Эй, служивые! — раздался голос Стаса. Веселый и бодрый. — Ну наконец-то! Запарился уже ждать, когда вы сообразите, что я именно вам и звоню.

— Выходи и сдавайся, — предложил полковник. — Если через пять минут ты не выйдешь, я тебя просто сожгу.

— Хо-хо! Не так быстро.

— Я повтор-ряю, — в голосе полковника прорезался металл. — Если через пять минут…

— Да я понял, понял. А теперь послушай меня, командир. Прикажи своим снайперам, чтоб сразу не били, а то впопыхах наломают дров, а тебе потом отвечать…

Из динамиков что-то металлически клацнуло, затрещало, — что-то происходило по ту сторону линии, в часовне у Стаса.

Картинка на мониторах изменилась. Окна часовни вдруг осветились — изнутри. Пляшущим, живым огоньком.

— Что ты делаешь?! — рявкнул полковник.

— Свечки зажигаю, — безмятежно отозвался Стас. — Скажи своим умникам, пусть картинку примут. Кидаю!

На одном из экранов сменилась картинка. Новое изображение было не в инфракрасном свете, а в обычном. Только очень слабом — прыгающий свет свечей. И чуть подрагивала. Так бывает, когда снимают с руки.

Появилось лицо Стаса. Он подмигнул, затем развернул телефон в другую сторону. На экране закружились стены часовенки, крошечные образа на стенах, огоньки свечей — и…

По кафе пронесся вздох.

Я тоже этого не ожидал. Знал, что у Стаса должен быть какой-то козырь, но чтобы такой…

На стене висел мальчишка — словно распятый. Веревки растянули его руки и ноги в стороны так, что он не мог пошевелиться. Во рту кляп, а у щеки…

Стас, конечно же, шагнул поближе, взял крупнее. Именно это он и хотел показать. К скуле мальчишки скотчем примотана граната.

Стас подвел к ней указательный палец, к самой чеке. И повел в сторону и вверх. Теперь, когда он показал, стало заметно: от чеки тянется тонкая веревка — куда-то вверх, в темноту. Стас вел камерой телефона вдоль, показывая: веревка взмывает вверх, к свисающей с потолка люстре, и снова уходит вниз… к руке Стаса.

Конец веревки он намотал себе на руку.

— Обратите внимание, — сказал Стас. Он опустил руку, и веревка натянулась. А сбоку, там, где на стене висел мальчишка, звякнуло кольцо чеки, приподнявшись на натянувшейся веревке…

— Что ты делаешь! — рявкнул полковник. — Перестань! Оно же сейчас вылетит!

— Просто показываю, — Стас был сама невинность. — Чтобы ваши снайперы знали, что произойдет, если я отступлюсь… Или вздрогну. Например, от неожиданного резкого звука. Не говоря уже о том, что будет, если я просто упаду…

— Отпусти мальчишку и скажи, что тебе надо.

— Мне? Да сущие мелочи, всего лишь…

Изображение на экране пропало, через миг появилось, но теперь кадры сменялись очень медленно.

— Опс… — пробормотал Стас. — Прощу прощения, господа, но у меня сел аккумулятор… Впрочем, все нужное вы уже увидели, каже…

И экран совсем погас.

8

В кафе стало тихо-тихо.

Лишь поскрипывали ботинки полковника. Заложив руки за спину, он медленно раскачивался с пятки на носок.

Вдруг обернулся, нашел взглядом меня.

— Вы, кажется, хотели говорить с ним? Ваш человек, говорите? Что ж… Вам и карты в руки.

— Теперь это не имеет смысла. Тех троих ваших людей я мог бы спасти. А этот мальчишка — обречен с того момента, как попал ему в руки… Его уже никто не вытащит…

— Я поговорю с ним! — раздался знакомый голос.

Из тени выступил Андрей.

За ним выступил и Семен, положил Андрею руку на плечо, останавливая:

— Андрей, боюсь, это бесполезно. Если Стас до сих пор не поверил, что это не игра, то уже не поверит. У него ярко выраженные параноидальные наклонности…

Андрей вежливо, но твердо снял его руку.

— До сих пор Стасу просто говорили, что это игра, — сказал Андрей. — Тут любой решит, что вокруг всего лишь боты.

— Боты? — переспросил полковник.

— Искусственные персонажи игры, только имитирующие разумное поведение, — сказал Семен.

— Угу… — пробурчал полковник. — Ну, допустим… И что же предлагаете?

— Тест Тьюринга, — сказал Андрей.

— Что?.. — нахмурился полковник.

О тесте Тьюринга он тоже в первый раз слышал, похоже.

— Это проверка для программ, имитирующих разумное поведение, — пояснил Семен. — Вы задаете тестируемому череду вопросов, развивая одну тему так, что верно ответить может только разумное существо, которое понимает, о чем вы говорите. Бот же может отвечать только по заранее запрограммированной схеме. Если бить в одну тему, развивая ее, рано или поздно все заранее предусмотренные варианты исчерпываются. Тогда бот начинает давать неправильные ответы, либо переходит на последнюю линию обороны: будто бы ему надоело об этом говорить. Пытается валять дурака и уйти от осмысленного ответа на вопрос. Перевести тему. Разумеется, в меру способностей и чувства юмора тех, кто его программировал…

— Допустим… — пробормотал полковник и поглядел на Андрея: — И как же вы с ним будете играть в вопросы-ответы? У нас есть мегафон, вы отвечать сможете. Но как он будет вас спрашивать? До него вон, сто метров. А аккумулятор телефона у него сел…

— Я пойду к нему.

Полковник нахмурился. Кинул быстрый взгляд на меня, на Семена, — словно проверял, не ослышался ли. Снова поглядел на Андрея. Словно никак не мог понять: а не псих ли этот человек, случаем?

— У него снайперская винтовка, — медленно заговорил полковник, будто объяснял ребенку. — И он…

— Он меня узнает.

— Но он может решить, что вы всего лишь бот, Андрей, —

вступил Семен. — Стас уверен, что это игра-проверка, сделанная специально для того, чтобы запутать его. Понимаете? В этой бредовой логике вполне допустимо, что в игру ввели специального бота в шкурке, похожей на вас реального…

— Это опасно, Андрей, — сказал я.

— Я знаю.

— Андрей, это очень опасно! И я не могу приказать вам сделать это, если вы сами…

Андрей грустно усмехнулся:

— Я знаю… — И вдруг посерьезнел. Посмотрел мне в глаза: — Это опасно, да. Но если мы не попытаемся вытащить живым того мальчишку, то… То для чего же мы работали все эти годы? Для чего все наше Агентство? Все эти проверки, суды, штрафы, запреты… Ведь не для того же только, чтобы мы получали зарплаты, а кто-то в правительстве поставил галочку и гнул пальцы на международных встречах, что мы впереди планеты всей по борьбе с насилием?.. Для чего все то, что мы делаем? Для чего это все — если сейчас мы не попытаемся вытащить у Стаса этого мальчишку?..

Он говорил, а голос у него дрожал. И губы.

И коленки, наверно, тоже.

И все-таки он это говорил. И готов был пойти к часовне…

9

— Как вы в этом ходите, — просипел Андрей.

На него напялили штаны из кевларовых пластин, огромный бронежилет, шлем с пластиковым забралом. Килограмм пятьдесят наверно. У Андрея от натуги дрожали ноги.

— Ничего, зато теперь грудь не пробьет даже из снайперки, — сказал полковник. — По крайней мере, с первого выстрела… Если повезет, и по ноге на касательный сменит… Ну, с богом!

Он хлопнул Андрея по плечу.

Андрей кивнул и вышел из кафе. Полковник поглядел на меня — кажется, осуждая… Отвернулся к мониторам.

Там появился Андрей. Он медленно шел вдоль рядя ларьков. Чем ближе к краю, тем медленнее.

— Ох, всадит он ему пулю, как только высунется из-за угла… — пробормотал полковник, кусая губы. — Как пить дать, всадит…

На углу Андрей совсем остановился… а потом быстро шагнул за угол. Словно в воду прыгнул.

Замер, словно и сам был уверен, что тут же будет выстрел…

Выстрела не было.

Андрей двинулся по дорожке к часовне. Медленно, раскинув руки в стороны, широко растопырив пальцы, — смотрите, ничего нет.

Микрофон на нем исправно передавал звуки. Его шаги, постукивание пластин бронежилета, хриплые вопли мегафона: «Это переговорщик, у него нет оружия! Не стреляйте! Это переговорщик…»

Стас вышел на крыльцо. Положив винтовку на согнутую руку, просто стоял и ждал. На запястье левой руки белели витки веревки, она убегала за спину, внутрь часовни.

Андрей остановился, не доходя метров пятнадцать.

— Привет, Стас…

— Какая встреча! И кто же это к нам пришел?

— Не валяй дурака, Стас. Ты прекрасно видишь мое лицо.

— Нет, не вежу.

Андрей вздохнул. Поднял пуленепробиваемое забрало шлема.

— А так?..

Полковник зашипел от досады:

— Что он делает, идиот?! Ему же сказали, не открывать!

А Стас на мониторе усмехнулся:

— Лицо — это еще не все…

— Ну хорошо, Стас, — сказал Андрей. — Если ты думаешь, что все это — игра, а я — бот… Давай поиграем в тест Тьюринга?

— Люблю искренних ботов, — Стас почти смеялся. — Ну, давай поиграем.

— Ну и что же тебе рассказать о тебе самом, что могу знать только я?

— Bad logic, — отозвался Стас, помрачнев. — Если ты бот, то именно на вещи, связанные со мной, тебя и натаскивали. Здесь тебя ловить можно долго… По-моему, это очевидно. Ну и боты пошли нынче, совсем мышей не ловят…

— Тогда что же?.. — нахмурился Андрей.

Стас пожал плечами:

— Очевидно: мы будем говорить о том, на что тебя не могли натаскивать, если ты бот. Только это и имеет смысл.

— О чем же?.. — Андрей совсем растерялся.

— О тебе, конечно! Что у тебя висит в прихожей над дверью?

— В прихожей?.. Над дверью… Та монгольская маска? Или что ты имеешь в виду?..

— Угу, — удовлетворенно сказал Стас. — Значит, все-таки не бот, в самом деле ты сам… Я-то сначала решил, что это просто

бот в твоей шкурке. А это в самом деле ты, значит…

Андрей помотал головой, словно отказывался поверить услышанному.

— Стас?.. Так ты веришь, что это — уже не игра?.. Что это — реал?..

— Bad logic! Я бы сказал, что это логика тупого бота… если бы не знал тебя в реале, — усмехнулся Стас.

Он откровенно забавлялся.

— Но… — начал Андрей.

Он все еще не понимал, как это у Стаса одновременно укладывается в голове: что говорит он не с ботом, а с человеком разумным; но при этом — что это все еще игра…

Семен дернулся к микрофону, но я среагировал еще раньше:

— Андрей, уходи! — крикнул я.

— Он точно параноик! Точно! — кричал Семен у меня над ухом. — Пусть уходит!

«Ракушка» в ухе Андрея должна была передать наши голоса. Но то ли что-то не работало, то ли Андрей не хотел нас слушать.

Он стоял и просто глядел на Стаса. Как мартышка на удава.

— Где вы сидите-то? — говорил Стас. — В кабинете у шефа? Или в зале? Там, наверно, сейчас все наши собрались, на большом экране смотрят, кофе потягивают и зубоскалят? Ждут, когда я поведусь на эту картонную дрожевыжималку?

— Стас… Но…

Андрей замолчал. Кажется, у него не было слов.

— Опаньки, — вдруг помрачнел Стас. Усмехнулся: — Неужели — все-таки бот?.. Да еще такой тупенький… Быстро же мы дошли до перевода разговора на многозначные междометия…

Винтовка уже не лежала на сгибе руки. Теперь он держал ее нормально, обеими руками. А приклад уперся в бедро.

— Стас… Стас, ну сам подумай! — быстро заговорил Андрей. — Если это игра, зачем бы мне надо было влезать сюда и уговаривать тебя, что это игра?!

— Чего только не сделаешь, чтобы помочь конкуренту пролететь мимо директорского кресла… А?

— Стас, это вовсе не то, что ты думаешь… Стас, это никакая не проверка на место директора филиала…

— Надеюсь, у тебя фул-контакт стоит? Боль по-честному?

— Стас, перестань… Стас, прошу тебя…

— Я бы поразвлекался подольше, но не могу, извини. Ближе ты, конечно, не подойдешь?..

Андрей помотал головой и медленно попятился.

— Ну, вот… — Стас притворно надул губу. — Жалко тебе для меня лембед, так и знал… А с такой дистанции… Хоть одна пуля,

хоть две, число лембед это не изменит. Не так ли?

Андрей попытался схватиться за щиток шлема, опустить его — но не успел.

Стас выстрелил прямо от бедра.

И, конечно же, не промахнулся. Целился по лазерному указателю. Заранее…

10

И ушел с крыльца внутрь.

А Андрей остался лежать на спине посередине дорожки. Раскинув руки, словно загорал. Только вот от головы внутри шлема мало что осталось…

В кафе было тихо-тихо.

Наконец полковник поправил дужку гарнитуры на скуле:

— Узел, выводите огнеметчика…

— Товарищ полковник?.. — отозвались динамики. — С ним же еще…

— Выводите огнеметчика!

— Гм! — Я подождал, пока полковник обернется. Поймал его взгляд. — Вы в самом деле… В самом деле будете его сжигать? *Вместе с мальчишкой*?..

— А что, есть другие варианты?!

— Надо подождать. Он, может, и параноик, но не идиот. Едва ли он будет верить, что это игра, если пройдут сутки.

— Как знать, Константин Сергеич… — подал голос Семен.

— У меня нет этих суток! У вашего цензора — винторез. И у него осталось еще два патрона в обойме. И снайперский прицел… Слава богу, простой, без инфракрасного режима.

Ага. Вот, значит, почему Стас подпустил штурмовиков почти впритык и дал им подняться. Боялся, что если начнет стрелять, пока они подползают, может кого-то не заметить, а себя уже выдаст…

— Слава богу, что не инфракрасный и не тепловик! — повторил полковник. — Но уже светает. А скоро станет совсем светло. И сдается мне, он только его и ждет. Попытается вырваться из кольца, прикрываясь мальчишкой. А кроме винтореза у него еще два пистолета и тридцать семь патронов к ним. *Как минимум* тридцать семь. Понимаете, что это будет значить, если он вырвется из кольца?.. Сейчас его сдерживает темнота. Он не видит, где мои соколики. Но когда он их всех разглядит, и просчитает сектора обстрела…

Полковник помолчал, глядя на меня.

— Или у вас есть другие варианты? — спросил он.

— Подождите хотя бы полчаса.

— Что это изменит?

— Может быть, что-нибудь и изменит… У вас есть фотографии всех, кого он убил?

— Что?.. — нахмурился полковник.

— Мне нужны фотографии. Всех тел. Всех, кого он убил. Четко, подробно. Лучше с нескольких ракурсов.

Полковник покивал. И вдруг осведомился каким-то подозрительно мягким голосом:

— Цветные?..

Я кивнул:

— Лучше всего — видео, если есть.

— Послушайте, вы что там, у себя в агентстве, совсем с ума посходили?! — взорвался полковник. — *Зачем* вам эти фотографии?!! *Что* вы там хотите увидеть?!! Да даже меня от этих фотографий в дрожь бросает! *Меня*, вы понимаете? Я по жизни всякого насмотрелся, но это…

— И все-таки мне нужные эти фотографии, полковник.

— А-а-а! — почти взвыл полковник. От души махнул на меня рукой. — Дайте этому извращенцу фотографии!.. Что с оцеплением?..

11

Я смотрел фотографии. За спиной, согнувшись, стоял Семен.

Я отложил очередную: женщина, техничка в игровом клубе. Точнее, то, что от нее осталось.

Пододвинул листок бумаги, где рос столбец из цифр.

— Тридцать девять лембед, — подсказал Семен из-за плеча.

— Тридцать пять, — поправил я, приписывая число к столбику.

И взялся за следующую фотографию.

Внимательно всмотрелся. Повреждения. Чем нанесены. С какого расстояния… И, самое главное, *сколько* мучился бы человек, если бы был не персонажем игры, а живым чело…

Фотография задрожала у меня в руке.

Черт возьми…

Это ведь не распечатка со скрином из прохождения.

Это не распечатка. Это и *был* живой человек…

— Константин Сергеич? — напрягся Семен.

— Ничего, ничего. Все в порядке.

Только ничего не было в порядке! Стас, Стас, что же ты

наделал…

И еще вокруг суетились люди полковника, и паники в их голосах все больше… Я старался не прислушиваться. Надо сделать то, что могу сделать я. *Только* я.

Прежде всего: как далеко Стас зашел в заваливании игры?

Он-то уверен, что это игра…

Вот и последняя фотография. Эту можно не рассматривать, снайпера я видел своими глазами.

Я проставил последние цифры на листочке, и стал их складывать. До этого я старался на них не смотреть — чтобы не отчаяться раньше времени. Тут можно начать подгонять оценки под то, что хочется. А мне нельзя ошибаться. Мне надо то, что есть на самом деле…

А вот Семен считал все это время:

— Четыреста десять… — сказал он.

— И плюс трое штурмовиков… — добавил я. — И Андрей…

Эти четверо — все взрослые мужчины, все в бронежилетах. А штурмовики еще и вооруженные профи. За таких минимум. Да еще убиты-то — быстро и с дистанции, без мучений. Самый-самый минимум. Три по два, и один по четыре — за Андрея. И это все к тем четыреста десяти…

— Итого четыреста двадцать.

Семен за моим плечом тяжело вздохнул.

— Ничего не выйдет, Константин Сергеич… Он слишком близко к пятистам лембедам, чтобы отступиться… С его параноидальной склонностью видеть во всем подвох, он ни за что не поверит, что это уже не игра…

— Восемьдесят лембед, — проговорил я.

Именно столько отделяет Стаса от того, чего он добивается.

— Мальчишке лет двенадцать… — сказал Семен. — Значит, ребенок. Если по пределу, то пятьдесят лембед?

— Да, — кивнул я.

Если замучить по полной программе, вдумчиво и со вкусом, не дав умереть раньше срока — то пятьдесят лембед. В идеале.

У Стаса — может быть и на практике.

— По-любому, еще тридцать не хватает, — сказал Семен. — Это совсем немного. Всего одна женщина, если по полной программе распотрошить… — Он тяжело вздохнул и покачал головой: — Нет! Он не отступится… Решит, что его хотят сбить с толку в самый последний момент…

— Или двое мужчин.

— Что? — не понял Семен.

— Одна невооруженная женщина — или двое мужчин. Если вооруженных…

За вооруженных дается меньше, чем за невооруженных. Но невооруженных, похоже, взять неоткуда…

— Константин Сергеич?..

Он все еще не понимал.

— Эй, господа маньяки! — подошел полковник. — Что-нибудь?..

Он с надеждой посмотрел на меня.

— Да.

— Да?! — он подался ко мне, а все его люди вмиг затихли, превратившись в слух.

— Константин Сергеич?.. — теперь Семен уже ощутимо напрягся.

— Вы что-то придумали? — спросил полковник.

— Да. Но вам придется помочь мне.

— Черт возьми! Можно подумать, я сам, безо всяких понуканий не сделаю все, что в моих силах, чтобы вытащить того малолетнего щенка живым и здоровым!

— Здоровым, боюсь не получится… Но хотя бы живым…

— Лишь бы живым, остальное поправимо! Что вы задумали?

— Пойду к нему. Что же еще тут можно сделать?

Семен открыл рот, но так ничего и не сказал. Кажется, временно потерял дар речи.

Полковник налился дурной кровью.

— Вы что, идиот?! Один ваш человек уже пытался переговорить с ним! И что? Его снял, и вас снимет, еще на подходе!

— Повторяю, полковник: перестаньте мыслить стереотипами. Не нужно относится к нему как к террористу, захватившему заложника. Вы думаете о нем так, будто он будет прикрываться мальчиком как щитом, спасая свою жизнь…

— А разве он не это делает?!

— Нет. Он лишь пытается набрать пятьсот лембед.

— Константин Сергеич! — быстро заговорил Семен. — Опомнитесь! Вам не убедить его, что это игра! Вы же видели, что с Андреем… — Семен поморщился. — Стас увидел знакомое лицо, но вместо того, чтобы понять, что это уже не игра, он убедил себя, что это не просто игра, а игра хитрая, многоуровневая, что его специально хотят запутать! Обмануть и обхитрить! Он убедил себя в этом! И он — параноик! Так что теперь что бы вы ни сделали, он все равно будет уверен, что это игра! Вам *никак* его не переубедить!

— Я знаю.

— И поэтому вам… — в запале продолжал Семен, не сразу меня расслышав. А когда до него дошло, осекся. — Знаете?..

— Да. Я прекрасно знаю, что его не переубедить.

— Так на что же вы надеетесь?! — спросил он в один голос с полковником.

— Именно на это. На то, что он параноик, уверенный в том, что вокруг — хитрая игра, мишень в которой он.

— Не понимаю… — пробормотал полковник.

— Вижу… — усмехнулся я. — Так вы мне поможете?

— Да! Я же сказал! Все, что угодно! Что вам нужно? Бронежилет высшей степени защиты? Поддержку снайперов? Танк? Вертолет?

— Обойму патронов к винтовке, которая у него. И не холостых, настоящих.

Полковник переменился в лице.

— Охренел?! Чтобы я ему — еще одну обойму к винтовке?! Своими собственными руками?!!

— Не вашими, а моими. И я не договорил, полковник. Это еще не все…

12

— Психи… Целое агентство психов… Господи, с кем я связался… — все качал головой полковник.

Но его люди исправно работали.

Два врача сноровисто и аккуратно тыкали меня шприцами. Впрыскивали из шприцев совсем немного, но уколы шли один за другим. По всему телу, через каждые несколько сантиметров. Руки, ноги, грудь, спина, шея…

— Поймите, Константин Сергеич! — все причитал Семен. — Он параноик! Все, что вы ему скажете — он все равно поймет на свой лад! Любой факт вывернет у себя в голове так, чтобы укладывался в *его* схему, в то, в чем он себя *убедил*! И если он вбил себе в голову, что это игра, а мы все стараемся запутать его, чтобы лишить должности директора новосибирского филиала, то все! Вы уже никак и ничем его не переубедите! Он па-ра-но-ик!

— Я и не собираюсь…

— Вы… — продолжил Семен в запале, и осекся. — Простите, Константин Сергеич?.. Вы не собираетесь убеждать его, что это — реал?..

— Именно.

— Но тогда… Я не понимаю…

— Он уверен, что это игра. Ну, что ж… Надо всего лишь обыграть его. — Я вздохнул и пожал плечами: — Поиграем…

Семен открыл рот, а потом закрыл. Так ничего и не сказав. Но

тут и говорить нечего, все понятно по его глазам. Смотрит на меня так, будто я полноценный псих.

Может быть, так оно и есть. Может быть…

— Все, — сказал врач.

— Странно, но я… — начал я.

Я не чувствовал ничего особенного.

— Почувствуете минут через пять, — сказал врач, захлопывая свой чемоданчик.

Я кивнул и стал натягивать на себя одежду. Не ту, в которой приехал сюда. А ту, что заказал людям полковника. Правда, обошлись без бронежилетов. Когда я натягивал плащ, подошел полковник.

— Ну? Готовы? Уже светает. У вас есть минут двадцать. Потом станет слишком светло, и…

— Я понимаю. Мне хватит.

— Нет, ни черта вы не понимаете! Он ведь не выпустит вас обратно! А если у вас ничего не получится, мы все равно будем жечь эту гребаную избушку! И дом, и вашего психа, и мальчишку, и вас! Всех!

— Спасибо за моральную поддержку. Я уже чувствую себя увереннее.

— Тьфу! — не выдержал полковник. Но взял себя в руки. — Послушайте… Я уважаю вас за то, что вы готовы пожертвовать собой ради мальчишки… Но остановитесь! Одумайтесь! У вас же ничего не выйдет! Вам не убедить этого ублюдка, что он вывалился в реал, сам того не заметив! У вас ничего не выйдет!

— Посмотрим. Главное, сделайте все так, как я сказал. Пусть две машины ждут. Но трогаются лишь тогда, когда нужно. Как я объяснил. Не раньше. Иначе вы все испортите.

— Господи! Да не будет этого момента!

— Обойму, — сказал я.

Полковник вгляделся мне в глаза. Кажется, он все еще надеялся меня отговорить? Потом покачал головой. Устало и обречено. Что будет, тому и быть, а он умывает руки.

— Дайте этому психу обойму…

— Но, товарищ полковник…

— Дайте ему обойму, я сказал!

Его помощник протянул мне обойму.

— Но учтите! — сказал полковник. — Если через двадцать минут у вас ничего не выйдет… Будете вы еще живы к этому моменту, не будете — мы будем равнять эту избушку с асфальтом.

Я разглядывал рифленый кусок металла. Вороненый, чуть лоснящийся от смазки. В выемке торчит верхний патрон —

блестящий латунный цилиндр, набитый порохом. И смертоносная, отполированная до блеска стальная головка.

У Стаса в винтовке остается еще два таких же. И они прилетят мне в голову или в живот, если я сделаю что-то не так, ошибусь хотя бы на полсло…

Стоп! Хватит.

Перед смертью не надышишься.

— Вы все поняли, полковник? — спросил я.

— Да, машины уже за кафе.

— Начинайте по ключевому слову. Только по ключевому слову! Ни раньше. Ни на секунду. Что бы ни происходило.

Я развернулся и шагнул к выходу.

13

Вдоль ряда ларьков. К углу, за которым уже ничто не будет загораживать меня от окон избушки…

А полковник все семенил за мной:

— Вы что, в самом деле не понимаете, что он пристрели вас, даже не дав дойти до часовни?!

— Посмотрим…

Я остановился — впереди угол ларька. Всего одни шаг дальше, и…

Обезболивающее постепенно действовало. Тело деревенело, кожа уже почти не чувствует холода.

Ну, что ж…

— Одумайтесь! Вы еще можете остановиться!

Я скинул плащ и шагнул за угол.

— О-о, господи… Псих… Псих… — протянул полковник мне вслед.

Видимо, среагировал так на мой новый наряд.

Белые шорты-бермуды, домашнего вида шлепанцы на босу ногу, и футболка. На ней еще остались складки, как она лежала в пакете. Но это не главное.

Главное у футболки — на груди. Оттуда пахнет горячим хлопком и чернилами. Пришлось пропустить футболку через обычный принтер, чтобы сделать рисунок. На большее времени не хватило…

14

Я вышел из-за угла, и тут же налетел ветер — ледяной.

Все-таки холодно в одних шортах и футболке, при минус одном-то. Силуэт часовни темнел на светлеющем небе. В окне колышется свет свечей… и черный силуэт. Замер перед окном, вскинув винтовку…

А я шел к нему. Под шлепанцами трещали лужицы, за ночь превратившиеся в тонкие ледяные пластинки.

Справа и слева защелкали прожекторы, включаясь. Я зажмурился от яркого света. Круги света вспыхивали передо мной, один за другим, складываясь в полосу света. От меня — и до крыльца часовни.

Я шел вперед, не сбавляя шага.

Силуэт в окне часовни сдвинулся. Теперь ствол винтовки нацелился точно на меня…

На миг мне захотелось все это бросить, и бегом рвануть назад. Сначала вбок, прочь с освещенного пути. А потом назад, обратно за ряд ларьков, который укроет от выстрелов. До него еще не так далеко. Еще не поздно развернуться…

Но ничего такого я не сделал.

Шел вперед, и ствол винтовки глядел точно на меня. На груди вспыхнуло маленькое красное пятнышко, я сглотнул, сбился с шага…

Но выстрела не было.

Пока не было. Пока и не должно быть. Уж лучше подпустить человека поближе — так будет больше лембед…

Я снова двинулся вперед, а тело все быстрее деревенело. Как чужое. Наркотик действовал все сильнее.

А вот нюх словно улучшился. Ночной воздух нес свежесть — просто одуряющую… Накатило дикое желание — жить. Просто жить! Послать это все к черту, и убежать отсюда! Чтобы и дальше наслаждаться этим воздухом, и гори оно все синим пламенем…

— Прием, прием, — ожил крошечный наушник в моем ухе. Снова полковник. — Еще не поздно. Слышите? На три-четыре ныряете в сторону! А мои ребята качнут прожекторами в стороны, чтобы он растерялся… Падаете на землю, и зигзагом обратно! Кивните, если согласны.

Но я не кивнул. Просто шел вперед. Шаг за шагом. Все ближе к часовне…

До трупа Андрея уже совсем близко. Еще шаг…

И черный силуэт в окне дернул головой:

— Константин Сергеич! — донесся до меня голос Стаса. И черт его знает, чего в этом голосе было больше: напряжения, удивления или шутливой неловкости. — Я вижу, и тяжелая артиллерия подтянулась… Неужели и вы будете убеждать меня, что это все не игра? Что это все — по-настоящему и всерьез?

Свет прожекторов за моей спиной погас, остался только один луч. Держал меня в центре ослепительного круга света, словно актера на сцене.

Я почти увидел, как это выглядит со стороны: человек в футболке и шортах, в домашних шлепанцах, — ночью, поздней осенью, посреди парка, оцепленного спецназом в два кольца…

Я усмехнулся и качнул головой:

— Нет. Конечно же, не буду.

— Хм…

Кажется, я его заинтриговал.

Шаг вперед. И еще один. И еще…

— Но… Константин Сергеич, мне все же придется попросить вас остановиться. Как минимум! — голос Стаса стал жестче.

Я не возражал. Остановился.

Наркотики действовали все сильнее. Я уже не чувствовал холода, вообще не чувствовал своей кожи. Тело — ватная кукла, с трудом поддающаяся на попытки двигаться.

— Константин Сергеич, боюсь, мне придется продырявить вашу аватарку… Если вы не против, сделайте ровно два шага вперед. Так у нас будет на лембедку больше. Со своей стороны обещаю, что даже если вы на фул-контакте, ничего не почувствуете. Винторезка высший класс. Пробью вашу аватарку точно в глаз, даже шкурки не попорчу.

Если бы это была аватарка, я бы, может быть, еще и подумал.

К сожалению, это была не аватарка.

Поэтому никаких двух шагов вперед я, конечно же, не сделал. Вместо этого я медленно — очень медленно — сунул руку в карман и достал увесистый, скользкий от смазки стальной коробок.

— Может быть, это продлит минуты моей несчастной аватарки?

Медленно поднял руку с коробком. Повыше. Удерживая его кончиками двух пальцев, выставляя на обозрение. Пусть хорошенько рассмотрит.

— А… — начал Стас, но так и не договорил.

Видно, не мог поверить, что я несу ему это.

Я повернул коробок боком, чтобы в разрезе обоймы показался латунный бочок верхнего патрона.

— Настоящие… — только и пробормотал Стас.

— Недосмотр, Стасик, — почти ласково сказал я. — Должен был забрать у того снайпера запасную обойму. Как же так? И это называется — профессиональная работа? Ай-яй-яй…

— Но… Но я же его обыскал… Не было у него, вроде…

— Вылетела. Надо было внимательно слушать, не упало ли

что. И осмотреть место вокруг.

— Но… Черт! — Стас в темноте усмехался. — Отлетела… Специально сделали, чтобы отлетела? Но совсем недалеко… Ч-черт…

Я слушал очень внимательно.

Чего в его голосе больше? Подозрительности — или чувства вины?

Поверил?..

Начинает оправдываться?

— Всего-то на пять метров и отлетела, — сказал я и потихоньку шагнул вперед. — Ай-яй-яй.

Стас раздраженно фыркнул.

А я сделал еще один шаг. И еще…

До крыльца уже каких-то пара шагов. Темный проем посреди стены, ярко освещенной прожектором.

Я шагнул на порог — и тут же…

15

— Стойте! — резко бросил Стас.

Я остановился. А он, словно извиняясь, заговорил мягче:

— Стойте, Константин Сергеевич… Положите обойму на пол.

Я наклонился, и еще чуть-чуть сдвинулся вперед. Положил обойму.

Прожектор снаружи наконец-то потух. Отсветы оттуда перестали слепить, и я смог оглядеться.

Свет свечей в уголке. Отблески на стенах, тусклое свечение образов… и ствол винтовки. Куда ближе, и снова смотрит мне прямо в живот.

— Теперь пасуйте мне, — распорядился Стас.

Я тихонько пнул магазин, чтобы он заскользил к его ногам. Сам оглядывался по сторонам.

Мальчишка на стене, словно распятый на веревках… Увидев меня, замычал, дернулся. Глаза — дикие, почти и не человеческие уже…

— А это сдача.

Стас пнул что-то мне навстречу. С тихим звяканьем это заскользило ко мне. Распалось на части.

Две пары наручников. У охранников вира-клуба были?

— Сначала на ноги… — командовал Стас. — Вот так, да… Теперь на руки…

Усмехаясь, я подчинился. Да и как тут без усмешки? Когда сам пришел, а теперь сам себя заковываешь в наручники…

отдаваясь на милость цензора.

Цензора, который уверен, что это игра.

Впрочем, на это и вся надежда…

Стас очень внимательно смотрел на меня, но я честно сковал себя по лодыжкам. Потом по запястьям.

— А теперь садитесь.

Я сел на пол, по-турецки скрестив ноги. Поглядел на Стас. Усмехнулся.

— Вы тоже присаживайтесь, Стас…

Как можно спокойнее. Словно это не я в часовне, ночью, в наручниках, полностью в его власти, — а это он жмется на краешке стула в моем кабинете.

Он внимательно вглядывался в меня.

— Значит, все-таки проверка. На главу филиала… Я сразу понял. Уж слишком тут все специально. И локализация под обстановку реального клуба, и сейвиться невозможно, и менты больно умные. Окружили так, что в темноте и не вырваться… В реальности таких совпадений не бывает.

Я промолчал.

— Значит, проверка на главу филиала… — продолжал допрос Стас. — Андрей ее уже проходил?

Я неопределенно качнул головой.

Стас нахмурился, потом усмехнулся.

— Та-а-ак… И сколько он набрал, тоже не скажете?

Я лишь улыбнулся.

— Неужели больше моего?

Я опять ответил хитрой улыбкой: знаю, да не скажу.

— Значит, самое интересное только начинается?.. Вот для этого-то вы сюда и пришли, Константин Сергеич? Чтобы лично, так сказать…

— Обойму принес, — с невозмутимым видом отозвался я.

Стас скептически усмехнулся:

— Обойма, конечно, хорошо, но лишние шесть патронов не спасут отца русской цензуры. Даже если они решать штурмовать еще раз, и я буду укладывать их чисто, по пуле на душу… С такого расстояния, да вооруженных профи… По две лембеды на душу. До пятисот лембед не дотянуть, даже если потом у меня будет время сделать из этой части антуража — набор полуфабрикатов…

Он покосился на мальчишку и вдруг неуловимым движением извлек из-за спины широкий нож. Боевой: с гардой, с дыркой для пальца в плоской стальной рукоятке. Несколько раз перекинул нож в разных хватах. Быстро-быстро, быстрее, чем улавливал глаз, в свете свечей лезвие расплылось в полупрозрачный комок из

острых кромок.

Мальчишка замычал и дернулся, но веревки крепко держали его.

— Уймись, ботик, — поморщился Стас. — Достали на жалость давить… — Снова посмотрел на меня. — И этот малолетний ботик, и восемь патронов к винторезке, даже при самом благоприятном раскладе — все равно до пятисот лабэ не дотянуть…

Я пожал плечами:

— Но все-таки хочется посмотреть, что бы вы смогли сделать, если бы заметили обойму…

И я сделал вид — будто ну совсем невинная девочка, совершенно случайно мимо проходила.

Ну давай, Стас! Давай!

Зацепись, что здесь что-то не так! Не будет же начальник просто так из себя дурочку строить?.. Ну же!!!

— Не-ет, Константин Сергеич, — Стас хитренько улыбнулся, покачал головой. — Нет. Это Вы другим можете рассказывать, что принесли обойму… Обойму можно было и с аватаркой Андрюхи передать, если бы дело было только в этом… Не так ли?

Он хитро глядел на меня — подозревая в какой-то хитрой шутке. Будто бы я хотел его запутать этой обоймой…

— Ну да, конечно, — сам себе покивал Стас. — Не в пулях дело. Ваша аватарка, уж простите, Константин Сергеич — и то больше лабэ принесет, чем эти шесть патронов… Значит, не просто так Вы здесь… А для того — чтобы наблюдать… Наблюдать, как я буду искать какое-то другое решение…

Он выжидающе поглядел на меня, но я молчал.

— Значит, — медленнее заговорил Стас, — хотите проверить меня, как я найду оптимальное решение… И должен быть какой-то шанс, который я должен заметить и воспользоваться…

— Тепло, — сказал я.

— Ага! Значит, все-таки у меня еще остался способ набрать пятьсот лембед! Несмотря на то, что боты ментов здесь классные, и отсюда мне не вырваться. Никакого штурма не будет, конечно. Они из огнеметов расстреляют издали…

— Тепло.

— Но здесь, хотя бы, честная задачка? Все, что мне необходимо для решения — не спрятано? Никаких подземных ходов, оставшихся со времен Ивана Грозного, никаких тайников и прочего пиксельхантинга?

— Обижаете, Стасик… — я нахмурился. — Все, что вам нужно, у вас перед глазами. Надо лишь сложить все воедино. А все нужное — у вас прямо перед глазами…

И я скромно потупился. Себе на грудь. На рисунок, всего пятнадцать минут назад нанесенный на футболку. Как бы невзначай расправил ее, чтобы рисунок стал яснее…

— Перед глазами… — Он буравил меня взглядом, словно старался понять по выражению моего лица, в правильном ли направлении движется его мысль. Продолжил размышлять вслух: — Несколько лембед все равно не хватает… Мальчик, ваша тушка… Почти пятьсот… Еще бы одного человека… Хватило бы даже вооруженного! Если бы только не просто его убить, а сначала со вкусом распотрошить…

Он вздохнул.

— Только они ведь, — Стас махнул рукой в сторону окна, — не дадутся… Боты качественно сработаны, под настоящих профи… Это не маленький ботик, призванный давить на жалость…

Стас поглядел на мальчишку.

Мальчишка на стене закрыл глаза, словно хоть так хотел спрятаться от взгляда Стаса. По лицу мальчишки струился пот, сам он мелко-мелко дрожал. Снова открыл глаза, поглядел на меня — но я не уверен, понимает ли он хоть что-то из того, что творится вокруг него. Глаза у него были совершенно дикие.

— Все нужное — у вас перед глазами, — повторил я, будто бы невзначай. — Надо лишь заметить…

Стас уставился на меня, поморгал.

Пытаясь сообразить, с какого места мне не понравились его размышления. Где он свернул не туда. Попытался вернуться чуть назад:

— Хватило бы даже вооруженного человека, — осторожно заговорил он, словно пробовал почву. — Если бы только был шанс убить его не сразу, а…

Он осекся.

Глядя на мою футболку.

Медленно перевел взгляд на меня, и снова на мою футболку. На рисунок.

Распятие, обрамленное в слова. Над распятием: «самых любимых». Под ним: «суровее всего».

«Проверяй» пропущено, в стиле старославянской речи. Но Стас не дурак. Должен догадаться, какое словно подразумевается.

— А… — начал он, но не договорил.

Лишь глядел на меня. И теперь в его взгляде появилась *настоящая* неуверенность…

— Так церковь — не случайно…

Я тоже смотрел прямо на него. Глаза в глаза. Чуть кивнул.

— Некоторых жертв потребовать от обычного цензора я не в

силах, Стас. Но тот, кто претендует на высшее руководство в Агентстве — должен помнить, ради чего все это. Это не колбасный склад. Здесь нужна преданность делу. Настоящая. Такой человек должен быть готов к самопожертвованию.

— Но… Но у меня же — фул-контакт…

На миг Стас превратился в того неуверенного щенка, каким был годы — и вечность! — тому назад, когда отказался резать игрового бота-девчонку, на миг решив, что это слишком уж похоже на реал…

— Я знаю, Стас. Но прежде, чем вы обретете право устраивать другим жестокие проверки… Чтобы требовать от других быть готовыми жертвовать ради дела — сначала ты должен доказать, что готов жертвовать *сам*…

И я грустно усмехнулся.

Уже не для Стаса. Уже не напоказ…

Стас вздохнул.

И вдруг — тряхнул головой. Его лицо окаменело.

— Ну, что ж… — Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня мурашки по спине пошли. — Мальчик, один мужчина невооруженный, и один мужчина вооруженный… Если на полную катушку, то до пятисот лабэ должно хватить… Не так ли?

Он посмотрел на меня. Положил винтовку на пол, и в его руку снова скользнул нож — закрутился между ловкими пальцами, словно живой.

Стас двинулся ко мне…

— Мы ничего не забыли? — холодно спросил я.

Стас нахмурился, потом понял. Быстро глянул по сторонам — виден ли он сейчас сквозь окна. Шагнул в сторону, чтобы стать невидимым для снайперов, держащих окна на прицеле. Смотал с руки конец винтовки, пригнулся, и под окном, по стеночке скользнул к мальчишке.

Парень неотрывно глядел на нож в его руке, зачарованный отражением свечей… Дернулся прочь, замычал, но Стас даже не обратил внимания. Сдернул с его лица кусок скотча, державший гранату. Перерезал веревку, бегущую от кольца к люстре, и положил гранату на пол.

И медленно пошел на меня, поигрывая ножом.

Чуть улыбаясь…

— Прошу прощения, Константин Сергеич, но аватарку вашу придется попортить… Надеюсь, у вас не фул-контакт?..

Я глядел на его улыбочку, и почему-то мне показалось, что надеется он на прямо противоположное.

— К делу, Стас, — сказал я.

Он был уже в шаге от меня.

Опустился передо мной на колени, поигрывая ножом.

То ли наслаждался моментом — не каждый день приходится потрошить своего начальника! За все те разы, когда сидел в моем кабинете на краешке стула, затаив дыхание, боясь лишний раз поднять на меня глаза, а сердчишко стучало у самого горла, как у загнанной в угол мышки…

А может быть, оттягивал то, что должен был сделать потом…

Движение было быстрое, я пропустил, как он ударил меня. Лишь почувствовал удар в бок — и чертовски неприятное ощущение, словно мой бок треснул, как кусок подтаявшего фарша.

К счастью, наркотики уже действовали вовсю. Лишь тупой удар в бок. А через миг — накатила слабость. Это упало кровяное давление…

И тут нож пошел вбок. Рассекая кожу, мышцы, то, что глубже… Рассек живот от бока до бока. Моя футболка стала черной от крови — а под ней открылся зев. Огромный рот с плоскими губами. Разошелся вверх и вниз — и оттуда, словно клубок змей, полезли потроха… наружу… прямо мне на колени…

Я смотрел на этот клубок, вываливающийся мне на колени… *мои* потроха… и это не аватара…

Стас вырвал из меня нож, замахнулся для нового удара…

— Мы так и будем играть в детский сад?

Я сам поразился, как уверенно и холодно прозвучал мой голос. Будто не я это говорил, а какой-то самоуверенный тип, сидящий не здесь, с собственными потрохами на коленях, — а далеко-далеко, в совсем другом мире.

— *Стасик*, — почти нежно проговорил я. — Вы думаете, у меня так много свободного времени?..

Он вздрогнул от этого приторно нежного «Стасик», как от ледяного душа. Отпрянул от меня.

Уже не улыбался. Глядел на меня — почти испуганно.

Потом вздохнул, кивнул — и выбросил руку с ножом мне в голову.

Жик-жик-жик-жик!

Нож чиркал по моему лбу, рассекая кожу — а я даже не успел зажмуриться, так быстра была его рука.

А потом зажмуриваться было уже поздно. Стас поднялся с колен и шагнул прочь от меня, к мальчишке.

Я чувствовал, как кровь хлещет из распоротого живота. На бедра будто лилась горячая вода.

Я чуть поднял скованные руки. Не чувствуя пальцами ничего — слава богу, что наркотик так хорошо действовал! — взялся за свои потроха, похожие на клубок мокрых змей. Толкнул их

обратно, чтобы не вывалились совсем. Попытался свести края разреза.

А когда поднял глаза — Стас был уже у мальчишки. Замахнулся, целя в живот — проделать то же самое, что и со мной…

Слабость была все сильнее, я проваливался в сон, в холод… Но все-таки смог позвать:

— У меня нет лишнего времени, *Стасик*… Не будем формалистами. Я и так потратил уйму времени на эту проверку…

Я не видел его лица, только спину. Стас сжался, будто ему врезали по затылку.

А потом — дернул рукой выше, и нож засверкал над лицом мальчишки, карябая его лоб.

Жик-жик-жик-жик!

Мальчишка под кляпом взвыл, со лба потекла кровь. Я понял, что было на моем лбу. Что-то вроде размашистого «зет», каким закрывают незаполненные места в бумагах. Когда всем и без того ясно, что здесь должно быть.

Мог бы сделать все, что угодно, да неохота тратить мое и ваше время…

— Пора перейти к главной части решения, — сказал я, чувствуя вкус крови во рту. Все-таки зацепил он мне легкие…

Только бы полковник выдержал, и не испортил все в последний момент!

Только бы полковник не сорвался… Только не сейчас…

— И вот *здесь*-то, — жестко сказал я, — можно с чувством, с толком, с расстановкой.

Стас медленно обернулся. Ухмыльнулся — попытался. Вышла лишь беспомощная улыбка обреченного.

Мне на глаза полилась кровь, струившаяся из распоротого лба. Все вокруг подернулось, расплылось… И кровь все хлестал из живота. Тело стало тяжелое-тяжелое, голова клонилась на грудь, веки опускались…

Но я заставил себя держать взгляд Стаса. Чуть кивнул, отвечая на невысказанный вопрос:

— Да-да, Стас. Иногда мелочи решают все…

Его улыбка обреченного — вдруг переплавилась в нечто отчаянно удалое. Он хмыкнул. Лихо крутанул ножом в руке. Громко сказал:

— В конце концов, все когда-то надо попробовать, верно?

Не знаю, для кого больше. Для меня — или для себя…

— Что ж, в следующий раз трижды подумаю, стоит ли ставить боль на фул-контакт…

Он опустился на колени, положил нож перед собой. Отер

руки о штаны. Задышал быстро и шумно, словно собирался надолго нырнуть под воду.

Стиснул кулаки, сглотнул — и вдруг резким движением засадил указательный палец себе в правый глаз. Застонал от боли, но упрямо колупал пальцем в глазнице, давя там, выковыривая, подцепляя…

Рычал от боли, но рвал. Глазное яблоко наконец-то выскочило — уже лопнувшее, сочащееся мутной жижей. Повисло на связке сосудов и нервов…

Стас поднял вторую руку, и воткнул пальцы в левый глаз. И рвал там, выкручивал…

Уже не воя — уже орал в полный голос. Звуки бились о низкий потолок, о стены, заполнив тесную избушку. Он орал изо всех сил, уже не пытаясь сдерживаться…

Но не останавливался. Нащупал окровавленными руками нож, обмотал его рукоятку в край пиджака, чтобы не скользила. Лезвием к себе. И — пырнул себя в грудь. Несильно, но тут же потащил нож в сторону. Длинно, от плеча до живота. И еще раз, и еще, и еще…

Воя все громче, все безумнее — и все чаще и глубже бил себя ножом. По груди, по рукам, по лицу, по шее…

А я боролся с тяжестью, утягивавшей меня в холод и сон. Закрыть глаза — это так легко…

— Молодец, Стас, — пробормотал я из последних сил.

Или мне показалось, что проговорил? А губы лишь едва дрогнула?

— Молодец, Стас! — попытался крикнуть я.

Не для Стаса — едва ли он меня слышал, а даже если бы и услышал, едва ли бы понял. Для крошечного микрофона, пришпиленного с внутренней стороны футболки.

— Молодец, Стас!!!

Его вой метался по крошечной избушке, сверкали безумные глаза мальчишки на залитом кровью лице — застывшим взглядом он глядел на то, что Стас делал с собой… А я сидел на коленях, схватившись руками за края живота, откуда пытался вывалиться скользкий клубок, и старался не двигаться.

Ну где же ты, полковник! Где же ты!

Кодовое слово сказано. Теперь можно! Теперь нужно! Где же ты!!!

Кажется, снаружи зарычал мегафон, выкрикивая какую-то команду, но что — не разобрать. Стас выл — и рубил себя. Выл — и рубил…

Наконец-то его крик стал тише, движения медленнее, медленнее, медленнее…

Он скорчился на полу, уткнувшись головой в колени. Под ним расплывалась лужа крови, черная в скудном свете свечей. И весь он был в крови. Истерзанный ломоть мяса, у которого не осталось даже глаз.

Совсем затих, завалился на бок. Но еще дышал. Кровь пенилась у него на губах:

— Больно… Как больно… Господи, когда же это кончится… Где меню?.. Почему нет меню?.. Дьявол, как больно… Когда же меня выкинет в меню…

16

Я падал в сон, полный холода и льда…

И тут с грохотом вылетело окно.

Кто-то в тяжелом бронежилете рыбкой влетел внутрь часовни. Плюхнулся на пол, перекатился в сторону, вскочил на колено — уже выставив руку с короткоствольным автоматом, готовый стрелять…

Но стрелять было не в кого. Все уже было сделано.

Кто-то влетел в другое окно, и сразу двое вбежали в дверь.

Часовню наполнили крики, топот, запрыгали лучи фонарей, потом прямо в окно ударил свет прожекторов, ослепляя…

— Мальчишка целый. Совсем, — чей-то голос. — Так, лоб малость покарябали…

И чьи-то руки схватили меня, поднимая.

— О, господи! У него живот…

— Вон он, цензор! — голос чуть в стороне. Там, где был Стас. — Быстрее капельницы, он еще дышит! Быстрее сюда!

Я почти потерял сознание, но из последних сил цеплялся за реальность.

Еще не все кончено. Есть кое-что, что я должен сделать. Обязательно должен сделать…

— Эй! — позвал я расплывчатое лицо надо мной.

Попытался. Голос меня не слушался. Вышел сиплый выдох.

— Эй! — крикнул я.

— Он что-то пытается сказать…

— Кто?.. Он?.. Да что он…

— Эй!!!

На этот раз, кажется, я в самом деле смог выдавить какой-то звук. Лицо склонилось совсем близко.

— Не надо… — выговорил я из последних сил. — Оставьте его… Не трогайте… Дайте ему умереть. Он заслужил не знать, что он сделал.